Каждый исследователь, занимающийся изучением творчества, допустим, Михаила Булгакова, рано или поздно находит тексты, которые вызывают вопрос: это в действительности ОН или кто-то другой? Атрибуция, как правило, занимает много времени и, увы, не всегда приводит к положительному результату. История с публикациями Ильи Ильфа прямо противоположна: автор статьи никогда не погружался в исследование творческого наследия классика отечественной литературы и, занимаясь совершенно другой работой, случайно наткнулся на его ранее неизвестные фельетоны. Что самое важное – не нуждающиеся в определении их авторства. Судите сами: под фельетоном, опубликованным в 1925 году в газете «Красное Запорожье», стоит подпись «Ильф»; под другим, напечатанным в 1926 году в столичной газете «Гудок», – подпись «И. Ф.» (Илья Файнзильберг).

Придя в газету «Гудок» в 1923 году, Ильф проработал в ней вплоть до 1928 года. Следуя актуальной и в наши дни журналисткой практике, он периодически сотрудничал с другими изданиями. Остается только гадать, как в список этих изданий попала, как бы сейчас сказали, областная газета «Красное Запорожье», чей официальный статус звучал следующим образом: ежедневная газета Запорожского Окружкома КП(б)У [Коммунистической партии (большевиков) Украины], Окрпрофбюро и Окрисполкома…

Фельетоны «Милиционер Маруся» («Красное Запорожье») и «Кассир, слезу вышибающий» («Гудок») не были найдены ни в собрании сочинений Ильфа и Петрова, ни в одном из авторских сборников писателя. Не были они обнаружены и в публикациях, посвященных неизвестным текстам Ильфа. Впервые републикуемые в «Юности» фельетоны имеют одно существенное различие: более поздний из них – «Кассир, слезу вышибающий» – думается, не был полностью придуман автором. С высокой долей вероятности он стал продуктом предварительно обработанного письма рабкора (чем Ильф в основном и занимался в «Гудке»).

Милиционер Маруся

Это – повесть о московском милиционере, комичной жертве иностранного капитала.

Кровь в нашем милицейском была перемешана с молоком, на щеках цвели розы и вишни.

Товарищи любили его и называли Марусей.

Если они ругали его, то ругали нежно, хотя громко и нецензурно.

Начальство тоже любило Марусю.

Светло-зеленая парусиновая рубашка, зеленые канты на шапке и умеренных галифе делали Марусю похожим на только что распустившееся дерево.

Цветущий Маруся величественно шлепал малень-

Проклятые иностранцы вели себя как ангелы в тюрьме, как испорченный примус.
Они не гудели, ничего не нарушали, ничего не переступали и были скучны до омерзения.
Рука, бессмертная рука в зеленых кантах, рука, не устававшая писать протоколы и размахивать красным жезлом, бессильно повисла у кушака.

ких босячков, вежливо писал протоколы на безобразников и пламенно драл штрафы с граждан и лошадей, переступивших закон.

Кровь и молоко кипели в Марусе, рука его не уставала махать и писать.

И все это кончилось в один весенний день.

– Тебе новый пост! – сказали Марусе в отделении. – В текстильном переулке!

Это было явное оскорбление. Маруся похолодел.

По Текстильному не ходил трамвай!

В Текстильном не было ни одной пивной!

В Текстильном жили только старые, хорошо высушенные, дамы.

Это – богадельня.

Там на посту инвалиду стоять!

Что будет там делать кровь и молоко, сам закон в зеленой куртке?

– Будешь против посольства стоять. Ты смотри уже, не подгадь!

Маруся печально цокнул сапогами и пошел на новое место.

Фасонное посольство крохотного государства вело жизнь загадочную и скучную, то есть:

Носило узкие штанишки,

Каждый день брилось,

Разговаривало между собой на иностранном языке,

Вылетало со двора на рыжем, дорогом автомобиле,

И больше ни-че-го!

Розы погасли на мужественных щеках Маруси.

О драках и штрафах не могло быть и речи. Вся работа сошла на нет.

Проклятые иностранцы вели себя как ангелы в тюрьме, как испорченный примус.

Они не гудели, ничего не нарушали, ничего не переступали и были скучны до омерзения.

Рука, бессмертная рука в зеленых кантах, рука, не устававшая писать протоколы и размахивать красным жезлом, бессильно повисла у кушака.

Погода была самая благоприятная для скандалов, для езды с недозволенной быстротой, для пылкого, наконец, слишком громкого пения, которое на худой конец можно было тоже оштрафовать. Но они даже не пели.

Долгие ночи оглашались вдохновенными воплями, но то были вопли в соседних переулках.

Эти вопли укрощал не он, отважный Маруся. Нет, их усмиряли другие, счастливые!

Маруся засыхал.

На глазах гордого Запада погибал советский милиционер. Волнующие картины буйной Трубной площади плавали перед глазами Маруси.

Это было славное прошлое. Рука Маруси поднялась, но снова упала.

Нет, это был только тихий, совершенно семейный Текстильный переулок.

И в то же время ясный и оглушительный крик поразил Марусю.

Безусловно, где-то очень близко заварилась прекрасная драка.

Маруся неустрашимо высморкался и сделал несколько шагов.

Вперед него, задыхаясь, пробежали любопытные.

Маруся подвинулся в конец своего переулка (дальше уйти было нельзя) и вытянул жилистую шею.

Голоногие ребята разносили свежие новости:

– В тупике! Стекла бьет!

Летели и мели юбками бабы.

– Мамы мои! В дым! Пьяный – распьяный! Двое милицейских справится не могут.

Сердце Маруси стучало и колобродило.

Из тупика донесся свисток о помощи. Пьяный ужасно заорал.

Маруся оглянулся на посольство. Там скучно и тускло горели огни.

– А пропади вы!

И полный нечеловеческого восторга Маруся ринулся на крик, на шум и сладостные свистки.

Так под напором европейского капитала пал Маруся, милиционер города Москвы. За непозволительный уход с поста его уволили.

Но он не горюет.

– Чорт с ним, с капитализмом! Это же такая скука, такая скука!

Красное Запорожье. 1925. №66 (1293), 22 марта. С. 2. Подпись: Ильф.

Кассир, слезу вышибающий

1. Выпивая ежедневно, не преминул надрызгаться и сего 23-го мая. Кстати, позвольте представиться. Синягин, кассир ст. Аргыз Казанской.

2. Проходя в кассу через зал ожидания, занялся тем, что оттаптывал ноги пассажирам, а преимущественно пассажиркам.

3. Прибыл в кассу через 15 минут после прихода поезда Москва – Свердловск. На замечание какого-то гражданина ударил его дверью по голове. Гражданин плачет.

4. Продаю билеты. Сдачу недодаю. Зачем миндальничать со всякими пассажирами. Они плачут.

5. Проводник Остроухов привел крестьянина Калабина и просил взыскать с него штраф за разбитое стекло. Акта писать не стал, а крестьянина просто избил. Плачет.

6. Проводник говорит, что не за этим привел Калабина. Возражает против избиения. Хотел побить проводника, но он убежал.

7. Пел песни, а сдачи не давал. Какой-то Сайфидинов (житель Агрыза, проездной билет №0267) возражал. Еще какой-то Файбищенко (адрес: Казань, Правый булак, №33-2) требовал сдачи. Но не на такого напали! Завтра снова выпью! Подработал на сдаче!

Гудок. 1926. №132 (1814), 10 июня. С. 4. Подпись: И. Ф.